

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

ПОЛВЕКА В ПУТИ

Он пришел в литературу почти полвека назад. Вернее, не пришел даже, а вошел, несмотря на то, что в Азербайджане к тому времени правили бал такие «тяжеловесы» из молодых, как Эльчин, Анар, Акрам Айлисли.

Однако Натиг Расулзаде, только недавно окончивший знаменитый Литературный институт имени М.Горького в Москве и вернувшийся на родину, как-то очень деликатно и вместе с тем уверенно занял свое место на литературном небосклоне. Его рассказы и повести с удовольствием печатали «толстые» журналы самой большой и самой читающей в мире страны, отзывы о его творчестве звучали из уст маститых советских литераторов. Вот, к примеру, некоторые из них:

«Вы, Натиг, владеете языком, пожалуй, лучше иных наших писателей, которые не удосуживаются расширять свой словарный запас» (В.Катаев), «Прочитал твою повесть, можно сказать, одним духом... Лаконичный и в то же время образный язык, живые, рельефно выписанные герои» (А.Иванов), «Крепкая драматургия и яркая образность языка отличают творчество этого молодого писателя» (Вл.Лидин).

Полвека назад Натиг Расулзаде пришел в литературу с мальчишеским задором победителя и твердым намерением не изменять любимому делу никогда. Это было очень трудно, в иные времена почти невозможно, но Натиг был и остается однолюбом. И надо заметить, что любовь эта оказалась взаимной, во всяком случае, по числу вышедших книг, литературных премий, а главное – по степени популярности у современного читателя Натига Расулзаде вполне можно считать состоявшимся прозаиком.

В разное время я написала несколько рецензий на его книги: «Ловушка», «Островок», «Дом», «Гольфстрим», «Хонхары», «Псих» – все эти книги и вошедшие в них произведения рецензировались мной достаточно подробно. Сейчас же я постараюсь подытожить некоторые свои впечатления от некогда прочитанного.

Одна из заветных тем Натига – это, конечно, бессмертная тема любви, хотя умиротворенные лирические мотивы и счастливые концовки – не родня его прозе. Его любовные рассказы тяжелы, как сама жизнь. Это любовь без счастливого конца. Любовь двоих в рассказах Натига почти всегда оканчивается трагически: или смертью мужчины, или гибелью женщины. Или расставанием, что тоже сродни смерти.

Вместе с тем, любовь у Натига – самое прекрасное чувство на свете, позволяющее сносить тяготы жизни, не замечать окружающей тебя несправедливости, переносить физические страдания. А когда она – любовь – уходит, жизнь становится пустой и обыденной.

Из беседы с Натигом Расулзаде:

Я: Любовь у тебя всегда трагична – девушка-утопленница, Амина-кошка, молодая женщина из «Золотой монеты», неизлечимо больная жена героя рассказа «Холодный месяц октябрь», даже любовь солнечного мальчика, дауна Бартоломео... Она всегда обречена. Перед ней всегда непреодолимые препятствия. Это тоже идет от жизненных впечатлений или это принципиальная позиция, убеждение, что именно так и происходит?

Натиг: Как у многих – хоть и нескромно, но это факт – как у многих великих классиков, Физули, Шекспира и других, любовь – это такое огромное чувство, что оно должно поглощать и поглощает истинно любящего и влюбленного, за неё идут на смерть. Большая любовь редко бывает ровной, отполированной даже в жизни, а уж в литературе её необходимо показывать именно с трагической стороны, потому что просто писать о том, как полюбили, поженились, родили детей, состарились и умерли в один день – это скучно. Но это лично мое мнение. Если на человека обрушивается это огромное чувство, он должен не сломаться, выдержать, отринуть все остальное, как говорит молодая девушка в рассказе «Седьмая ночь», молодая, но умудренная любовью, трагически для неё закончившейся.

Многие герои автора, как и он сам, не приемлют сытости, рвачества, благополучия любой ценой. И потому в силу жестоких жизненных обстоятельств оказываются изгоями, подобно герою одноименной пьесы Натига. Некоторые из них – люди с душой ребенка, пусть даже им уже далеко за 60 или за 70, как например, старик-художник из рассказа «Окно», разрисовавший диковинными птицами и неземной красоты бабочками двери, стены и окна в своем доме, преклоняющийся перед красотой и искренне радующийся таланту коллег. Или вокалист Фазиль из замечательной пьесы «Человек из хора», которого не смогла «перевоспитать» многочисленная мафиозная родня его богатой жены.

Однако, пожалуй, главный враг для писателя – равнодушие. В этом смысле характерен трогательный рассказ «Про ослика, ослика...», который словно перекликается с повестью легендарного французского писателя Антуана Сент-Экзюпери с его знаменитой фразой из «Маленького принца»: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Люди, приручившие ослика, доверившегося им, предают это безропотное, ласковое животное. И оно умирает на безлюдном острове, погибая от людской забывчивости и жестокости. Так же погибает и большинство героев Натига, не сумев приспособиться к жестокости и бессердечию окружающей их действительности. Безграничное одиночество человека, его беспомощность перед вызовами Судьбы – экзистенциальные мотивы, очевидно, навеянные знакомством Натига Расулзаде с великими Кьеркегором, Сартром, Камю. Натиг признается, что сильно увлекался их произведениями в молодости.

Обычные, успешные, состоявшиеся судьбы Натига не интересуют, только люди с чертовщинкой в душе или с червоточинкой, только те, с кем могут происходить нелепые, невероятные вещи («Наваждение»), которые также нередко приводят к трагическому концу. И только тогда, по мнению автора, срываются маски, только на пороге смерти мы постигаем, кто же мы на самом деле и какие роли играли до сих пор. Постигание это приходит слишком поздно, потому что за все ошибки приходится платить и неотвратимый судья уже стоит на пороге, отнимая у тебя самое драгоценное на свете – жизнь.

Элементы фантастики, фантазмагии (повесть «Дом», рассказы «Притяжение», «Брат»), реальные события в сконструированных мышлением художника абсурдных, невероятных обстоятельствах нужны для того, чтобы препарировать, как под микроскопом, и изучить в мельчайших деталях ту или иную сторону человеческой природы. В этих обстоятельствах его герои проявляют свои лучшие (или худшие) стороны.

Часто герои Натига силой его художественного воображения помещаются в экстремальные ситуации, когда нередко от того, какие качества характера проявит тот или иной герой, зависит вопрос жизни и смерти его самого или близких ему людей. В повести «Дом» герой выбирает смерть, отвергая жизнь-существование, жизнь-имитацию. По мысли автора, обыденность, серость, повседневность убивают талант, искру Божью в человеке. И выход из этой обыденности в бунте, мятеже, пусть даже этот бунт в ре-

зультате приводит к гибели героя.

«Дом», пожалуй, наиболее яркое и наиболее загадочное произведение Натига Расулзаде. Оно не оставляет тебя и после прочтения как назойливая зубная боль, заставляя размышлять и вдумываться в смысл предложенной автором ситуации.

Подлинная литература – многозначна, в ней много нюансов и оттенков, поэтому каждый ищет в прозе Натига те вопросы, ответы на которые хочет найти. Для кого-то «Дом» – это бунт против серости и однообразия бытия, а для кого-то – справедливое наказание за строптивость и гордыню. Герой «Дома» тяготится привычной средой обитания, сбегает от нее и попадает на безлюдный островок, где живут странные, полусумасшедшие люди. Через некоторое время жизнь на островке для него становится невыносимой, и он сбегает вновь, на сей раз обрекая себя на верную смерть. Мораль? Надо ценить то, что ты имеешь, надо ценить каждое мгновение жизни, какой бы тяжелой или однообразной она тебе не казалась, ибо альтернатива ей одна – смерть и, «отвергнув жизнь, неминуемо придешь к смерти».

Натиг часто пишет в жанре абсурда. По словам Натига, одним из самых любимых его писателей является гениальный Кафка. Конечно, не обошлось без влияния великого Гоголя с его фантазмагоричными петербургскими повестями.

Из беседы с Натигом Расулзаде:

Я: У тебя очень буйная фантазия – мистика, перевоплощения, чертовщина, сон и явь, все перемешано. Чем является для тебя мистика в произведении, чему она служит? Ты часто помещаешь вполне земные, реальные образы в мистические обстоятельства. Для чего?

Натиг: Что касается мистики, то этот жанр мне нравится, потому что в какой-то степени это ответ всем «Фомам неверующим». Понимаешь, если в течение всей жизни с нами не происходит ничего непонятного разуму, мистического, небывалого, это не означает, что этого вообще нет в жизни, просто это происходит с кем-то другим. Сам по себе этот жанр очень интересен и востребован среди подготовленных читателей, много мистики и в абсурдной прозе Кафки, у Габриэля Маркеса, у Стивена Кинга. Порой это наводит читателя, вдумчивого, конечно, на мысли, которые никогда не пришли бы ему в голову среди одних только реальных событий.

Да, действительно, есть художественные произведения, которые одним разумом не понять, их нужно постичь каким-то иным, шестым чувством. Хотя мне, если честно, более импонируют те рассказы Натига, в которых доминирует реалистическое начало. Они тоже грустны, в них рассказывается о вещах отнюдь не радостных, например, «Девушка в красном», в котором создан отвратительнейший образ некоего Агашки. В этом, с позволения сказать, «герое», или антигерое мы на протяжении всего рассказа не сможем обнаружить ничего человеческого. Читая его, я все время с недоумением спрашивала себя, зачем автору понадобилось писать об этой твари такой большой рассказ, практически повесть? Но в том-то и мастерство, в том-то и гениальность (не побоюсь этого слова) рассказчика, что в конце концов Агашка поворачивается к нам самой неожиданной стороной. Его перерождение, его, по сути, второе рождение после тяжелейшего инсульта нам кажется вполне естественным и логичным, не надуманным. И мы вместе с ним (в который раз!) понимаем, что существуют все же на свете вечные ценности, среди которых нет места подлости, стяжательству, несправедливо нажитому богатству, раз даже такой конченный человек, как Агашка, это понял, раз даже он сумел найти свою заблудшую душу. Я считаю этот рассказ одним из лучших в сборнике «Псих», потому что в нем автор дарит своим читателям надежду. А без надежды очень трудно жить в этом мире...

При этом произведения Нати́га Расулзаде начисто лишены какого бы то ни было пафоса, патетики. Они намеренно приглушены, они словно приглашают читателя к размышлению, к сопереживанию, к мучительным раздумьям о том, как мы живем на этой земле и какой оставим на ней след после себя.

Писатель нередко обращается к вопросу о цене славы, успеха, материального благополучия. Тема эта вечная, и вопрос далеко не праздный не только для людей творческих. В рассказе «Спаси и помилуй» писатель после трагической смерти сына внезапно обретает читательское признание, бешеную популярность. Постепенно он привыкает к этой популярности, как привыкаешь к предметам роскоши, он купается в лучах славы. Однако убийственный вопрос жены: «Скажи честно, ты бы отдал все это за то, чтобы сейчас наш мальчик был с нами?» – застаёт его врасплох. В вопросе заключен великий смысл, ибо нередко ценой бешеной славы и популярности является отказ творческого человека от самого себя, от своей подлинной сущности, от уснувшей могильным сном Совести. Для Нати́га Расулзаде ответ на этот вопрос звучит однозначно: «...Бог создает человека, человека, а не профессию, – это уже потом все дела и ремесла, многое от лукавого, а человек – от Бога, и что ты за человек, если задумываешься над вопросом жены?».

В унисон теме звучит и признание самого писателя, сделанное ровно десять лет тому назад: «Популярность для писателя необходима, но она не должна длиться долго. Это как детские болезни, через которые надо пройти. Писатель, популярность которого длится слишком долго, в итоге вынужден работать на нее, подогревать ее, стараться всегда быть на виду, на устах у всех, быть в центре всего, короче – жить для популярности. А это неправильно, это – не писательская жизнь, и вообще, это не настоящая жизнь. Писательская жизнь требует глубины, тишины, я бы сказал, келейности. Наступает момент в жизни, когда популярность может разрушить все».

* * *

Не так давно Нати́г опубликовал произведение под названием «Гольфстрим». А в подзаголовке обозначил необычный жанр: «Роман-кардиограмма». По-моему, такого жанра в истории азербайджанской (а может, и мировой) литературы еще не было. Если я не права, читатель меня поправит.

Данный подзаголовок ко многому обязывает. Потому что если это кардиограмма, то она должна быть: а) объективна, б) сделана на высоком профессиональном уровне и в) отражать реальное положение вещей. Справился ли Нати́г с этой задачей? Думаю, что справился. Хотя в романе сосуществуют, не всегда пересекаясь, два пласта, две параллельные линии – мир детства и мир творчества. Боюсь, что мир творческих исканий Нати́га Расулзаде, его, так сказать, сокровенная «кухня», куда он допускает читателей, не всем и не всегда будет интересна. Эти куски в романе будут более притягательны для его собратьев по перу, в особенности, для молодых литераторов, недавно пустившимся в свободное плавание по безбрежному океану литературы. Массовому читателю, опять же на мой взгляд, придется по душе те части «Гольфстрима», где Нати́г вспоминает эпизоды из своего послевоенного детства – с разбитыми коленками, уличными баталиями, первой любовью и первыми детскими страхами. В свое время я прочла немало мемуарной литературы о детстве и юности – и наших, и зарубежных авторов. Думаю, что воспоминания Нати́га Расулзаде выгодно отличаются предельной искренностью, отсутствием глянца – как в описании характеров и портретов самых близких людей, так и в изображении собственных фобий. Читая страницы, где Нати́г описывает свои детские страхи, я вспоминала собственные фобии, где также присутствовал страх смерти, например, необъяснимый ужас от мысли, что самый любимый человек на свете, без ко-

того ты, кажется, и физически существовать не сможешь (для меня это была моя мать), когда-нибудь умрет. И ты встаешь ночами, подходишь к постели матери и прислушиваешься, дышит ли она, не умерла ли... А приступы такой же необъяснимой агрессии и даже ненависти к окружающим в подростковом периоде? Когда кажется, что тебя никто в целом свете не понимает, что все вокруг лживые, двуличные, говорят одно, а делают совершенно другое (так называемый юношеский максимализм, который, к счастью, проходит с годами). И потому ты замыкаешься, уходишь в созданный тобою мир, населенный, в основном, литературными персонажами (во времена мои и Натига отдушиной для подростков служили книги, сейчас они «уходят» в виртуальную реальность Интернета). Натиг вспоминает, как «в детстве, играя в свои одинокие игры, куда я никого не впускал, я разговаривал сам с собой, создавая свой мир фантазии, недоступный и непонятный взрослым». Наверное, многие из нас, те, кто родом из детства, могли бы сказать о себе то же самое...

Конечно, детская, юношеская пора у всех бывает разной. У одних она более счастливая, у других омрачена какими-то тяжелыми обстоятельствами – нищетой, алкоголизмом одного из родителей или ранней смертью кого-то из близких. И все же это «прекрасное далеко» всеми нами вспоминается с одинаковым чувством ностальгии. По словам автора, это тот самый Гольфстрим, то «теплое течение в буднях твоей жизни», которое «с возрастом иссякает или смешивается с холодным, но которое так важно сохранить первозданно теплым».

Судя по Натиговской кардиограмме, ему свой Гольфстрим в душе удалось сохранить в первозданном виде. И это удача для творческого человека, ибо практически все сюжеты и все фобии, гениально воплощенные в мировых бестселлерах, их авторы черпают из впечатлений детства.

* * *

Еще об одном произведении известного азербайджанского прозаика хотелось бы вспомнить. Это роман «Хонхары», на который я в свое время написала рецензию «Между раем и адом». Привлекла внимание необычная, волнующая фабула, благодаря которой произведение читается на одном дыхании и с неослабевающим интересом. Натиг вообще умеет держать читателя в напряжении, и, обратившись к той или иной его вещи, будь то рассказ или повесть, ты вряд ли отложишь книгу, пока не дочитаешь произведение до конца. И это при том, что Натиг не пишет детективов, а его лучшие рассказы и повести даже не с двойным, а с тройным дном, докопаться до которого может лишь особо преданный и подготовленный к чтению серьезной литературы читатель.

На сей раз Расулзаде обратился к теме кровной мести, явлению, увы, широко распространенному на Кавказе и в Закавказье вплоть до наших дней.

В центре повествования – семья хонхаров, выходцев из одноименного квартала в селении Маштага на Абшероне. Повествование начинается с рассказа об одном из предков этой семьи по имени Аганеймат – удачливом и зажиточном рыбаке-маштагинце. Во время революции один из местных бедняков, польстившись на обещание властей получить хороший куш из добра, конфискованного у «кулака», оговорил Аганеймата и предал его. Аганеймата арестовали. Спустя несколько лет его 13-летний сын Алигусейн отомстил обидчику, застрелив того во дворе его собственного дома. Сыновья убитого – Агакерим и Бала – поклялись отомстить Алигусейну. Так началась многолетняя история кровной мести длиною в целый век.

Пожалуй, все в этом романе – и хонхары, и их обидчики – жертвы. Одни из них становятся жертвами обстоятельств, сурового времени, погибают в бою с врагом (как Агакерим и Бала на фронте), жизнь других прерывает пуля или нож кровника.

Герои Натига – хорошие семьянины, они любят своих детей, жалеют жен, почитают матерей. То есть им присуще, в первую очередь, большое чувство любви. И в то же время их снедает чувство мести. Которое в конце концов побеждает, убивая их физически и духовно.

Из беседы с Натигом Расулзаде:

– Как ты пришел к этой теме? Почему «кровная месть»?

– Она меня давно волновала, считаю, что чувство мести невозможно изжить, оно заложено в нас генетически нашими далекими предками. От него невозможно избавиться и чисто психологически. Я не случайно начал свой рассказ с начала XX века, когда это явление было чрезвычайно распространено не только у нас в республике, но и по всему миру. И правоохранительные органы относились к нему как к чему-то естественному.

Сейчас с подобными случаями борются, виновников наказывают, осуждают на длительные сроки. И все же изжить чувство мести невозможно, потому что оно в человеке очень глубоко заложено. Оно такое же огромное, как и чувство любви. Этот роман, в принципе, – история мести и любви, любви, которой не удалось победить, преодолеть месть. В принципе, это чувство знакомо каждому человеку, особенно, как мне кажется, творческой личности. Кто-то нас, к примеру, обидел, и мы в своих мыслях хотим его убить, уничтожить, стереть с лица земли. Чем больше чувство обиды, тем дольше человек носит это в себе. А когда долго носишь какую-то обиду, это действует на психику, и человек начинает жить этим чувством.

«Ударили по левой щеке, подставь обидчику правую» (заповедь Христа) – сделать это может только один человек из ста миллионов. А, в общем, масса людей, обидателей живут этим чувством – обиды, неудовлетворенности, злости. Мало кто винит в собственных бедах себя, чаще – других людей. Потом же, найдя вольного или невольного виновника, мысленно (а порой и физически) мстит ему за свою неудавшуюся жизнь, за неудовлетворенное тщеславие... Кровная месть – наиболее концентрированное выражение этого чувства.

– Почему ты именно сейчас обратился к этой теме?

– Потому что тема эта вечная, и мне странно, что ни один из больших писателей в мировой литературе до сих пор не обратил внимания на нее, не проанализировал ее глубоко.

Несмотря на то, что роман небольшой, он многослойный, и главный смысл заключается в том, что человек постоянно выбирает между добром и злом, между прощением и жадной отмщеньем. Все люди разные, но тем не менее чувство мести почти вездесуще. Оно присуще даже маленьким детям, например, пятилетнему ребенку, у которого, например, отняли игрушку, и он хочет отомстить за обиду.

Рецептов я не даю. Просто ставлю вопрос, говорю, что у многих из нас в душе есть это чувство. Не забывайте о нем. Но и не лелейте его, не взращивайте. Вы должны понимать, что ваш выбор – это выбор между Богом и Дьяволом, между Местью и Любовью. Выбирайте сами. В отличие от чувства любви, чувство мести губительно, разрушительно, оно убивает в человеке все человеческое. Я призываю своих читателей помнить об этом.

... В романе «Хонхары» много ярких, колоритных образов, словно бы списанных с натуры, необычайно трогательны женские персонажи, особенно матери хонхаров, которым какой-то злой рок предписал рожать в муках сыновей, растить их в неге и любви, а затем хоронить в пору молодости, сраженных пулей или кинжалом кровника. Сочен и в то же время лапидарен язык романа, в который словно уместился весь XX век с его

революциями, войнами, сменой общественных формаций. В произведении наблюдается смешение стилей – реализм, сюрреализм, постмодернизм, психологическая проза, и это – знак того, что роман создан в русле самых современных тенденций мировой литературы.

* * *

Возвращаясь несколько назад во времени, следует сказать, что творческий путь Нати́га Расулзаде отнюдь не всегда был отмечен розами. В конце семидесятых годов он создал несколько произведений, посвященных острым социальным проблемам, чем вызвал недовольство высокопоставленных чиновников от культуры. Была, например, в его биографии повесть «Всадник в ночи» о бакинских цеховщиках, ее пристрасно обсуждали в МВД, КГБ. Московские коллеги Нати́га удивлялись: «Как тебе удалось напечатать такую вещь?». Когда тучи над молодым писателем стали сгущаться, а его книги начали выбрасывать из тематических планов республиканских издательств, в дело вмешался первый секретарь Союза писателей Азербайджана Имран Касумов. Уж не знаю, с кем конкретно из цеховских чиновников он разговаривал, однако вскоре Нати́г был вызван в кабинет И.Касумова, где ему была фактически дана индульгенция и переданы слова руководителя республики: «Гейдар Алиевич сказал, что произведение Расулзаде написано в духе той борьбы с «теневиками» и взяточниками, которая ведется в республике». Это был фактически карт-бланш, напущение молодому писателю. После этого в биографии Нати́га начинается один из самых плодотворных этапов, не случайно в 1984 году он был удостоен престижной всесоюзной премии имени Н.Островского, а спустя несколько лет – премии Комсомола Азербайджана.

Не могу не сказать несколько слов о языке, которым написаны повести и рассказы Нати́га. Полностью согласна с выдающимся русским писателем Валентином Катаевым, отметившим прекрасное владение молодым азербайджанским писателем «великим и могучим». Владеет он русским языком действительно в совершенстве, а его образные сравнения, эпитеты, меткие характеристики и колоритные описания внешности героев произведений напоминают мне прозу непревзойденного мастера художественных сравнений Юрия Олеши («Зависть», «Три толстяка» и др.).

Думаю, что настоящий писатель никогда не бывает собой доволен. Он вечно сомневается, он находится в постоянном поиске новых горизонтов, новых тем и новых героев. Никогда не слышала, чтобы Нати́г Расулзаде говорил о себе местоимением «мы», он всегда был прост, скромен и абсолютно безамбициозен. Об этом же сказал как-то академик Бекир Набиев. При виде Нати́га, – говорит Бекир муаллим, – я всегда вспоминаю мудрое народное изречение: «Плодоносное дерево не задирает голову».

... Полвека назад писательство стало главной любовью и смыслом жизни Нати́га Расулзаде. В 1999 году президент независимого Азербайджана Гейдар Алиев высоко оценил эту верность профессии, в 50 лет удостоив Нати́га звания «Заслуженный деятель искусств Азербайджана», в 2009 году он был награжден орденом «Шохрат». Хочется верить, что и сегодня государственное признание литературных заслуг талантливого азербайджанского прозаика и драматурга не обойдет Нати́га стороной. Его многоцветная проза, многожанровая драматургия, написанные им сценарии и снятые по его сценариям фильмы в совокупности создают неповторимое и знаковое для азербайджанской культуры явление.

Хочу пожелать своему другу и коллеге, чтобы он никогда не терял одного из самых драгоценных своих качеств: умения понимать человека и сострадать ему. В конце концов, именно понимание и сострадание рождают на свет великие произведения искусства.